

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

---

*ПОБЕДИТЕЛЬ
НЕ ПОЛУЧАЕТ НИЧЕГО*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Х37

Серия «Эксклюзивная классика»

Ernest Hemingway

WINNER TAKE NOTHING
MEN WITHOUT WOMEN

Перевод с английского

Серийное оформление и компьютерный дизайн *Е. Фереэ*

Печатается с разрешения Hemingway Foreign Rights Trust
и литературного агентства Nova Littera.

Хемингуэй, Эрнест.

Х37 Победитель не получает ничего. Мужчины без женщин : [сборник : перевод с английского] / Эрнест Хемингуэй. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-098759-7

В издание вошли два самых известных сборника рассказов писателя — «Победитель не получает ничего» и «Мужчины без женщин».

Если вы поклонник творчества Хемингуэя, эти рассказы станут для вас настоящим подарком. Потому что в них есть все, что вы любите, все основные темы, к которым он обращался в своих романах — человек на войне и человек после войны, поиск себя, дружба, одиночество, предательство близких и, наконец, любовь. Вы побываете и на испанской корриде, и в маленьких привокзальных забегаловках где-то в Швейцарии, и в парижских кафе, и на полях сражений, и в госпиталях. Вы насладитесь неповторимым стилем Хемингуэя — короткими, как будто рублеными, фразами писатель описывал мир вокруг, примечал самые непримечательные детали, передавал еле уловимые оттенки чувств и переживаний. Ну а если вы не знакомы с творчеством Хемингуэя, то после прочтения этих новелл вам наверняка захочется продолжить это знакомство.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Hemingway Foreign Rights Trust,
1927, 1933

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2022

ISBN 978-5-17-098759-7

**ПОБЕДИТЕЛЬ
НЕ ПОЛУЧАЕТ
НИЧЕГО**

ПОСЛЕ ШТОРМА

Все началось на пустом месте, из-за какого-то неосторожного слова, а потом переросло в драку, и я поскользнулся, а он прижал меня к полу, упершись в мою грудь коленом, и стал душить обеими руками, словно хотел прикончить, а я все время пытался вытащить нож из кармана, чтобы пырнуть его и освободиться. Все так перепились, что никто и не пытался оттащить его. Он душил меня и молотил головой об пол, но я наконец вытащил нож, выщелкнул лезвие и полоснул его прямо по руке, и тогда он меня отпустил. Теперь он не мог ничего держать, даже если бы хотел. Он скатился с меня, зажал рану и стал вопить, а я сказал:

— Какого черта? Ты меня чуть не задушил!

Мне хотелось убить его. Я потом еще неделю не мог глотать, так он повредил мне горло.

Ну, я дал деру, а их была целая куча, и кое-кто рванул за мной, но я завернул за угол и побежал к докам, там я встретил какого-то парня, который сказал, что дальше по улице кто-то убил человека.

— Кто его убил? — спросил я.

А он ответил:

— Не знаю, кто его убил, но что он мертв — это точно.

Было темно, на улице стояла вода, фонари не горели, окна были разбиты, лодки валялись вверх дном, и деревья были выворочены с корнем, и все кругом по-

ломано, я сел в какую-то маленькую шлюпку, поплыл и нашел свою моторку там, где оставил ее, в бухте Манго-Ки, с ней все было в порядке, только водой залило до краев. Ну, я вычерпал воду и оттолкнул моторку от берега; в небе было полно облаков, которые то и дело заволакивали луну, и все еще прилично штормило, я вышел в море и, когда рассвело, был уже за пределами Восточной гавани.

Да, брат, это был шторм так шторм! Я был первым, кто после него вышел в море, и такой воды, как тогда, поверьте, вы еще не видали. Она была белой, как щелок, а берег между Восточной гаванью и Саут-Уэст-Ки изменился до неузнаваемости. Где-то посередине его рассек большой канал, который промыло штормом, шторм повырывал деревья, смыл почву и сделал воду белой как мел, и на ее поверхности чего только не плавало: ветки, целые деревья и мертвые птицы. На маленьких островках собрались, казалось, все живущие на земле пеликаны, а вокруг вились тучи других всевозможных птиц. Должно быть, они слетелись на остров, почувствовав приближение шторма.

Я целый день проболтался у берега Саут-Уэст-Ки, но никто меня не преследовал. Моя моторка была пока единственной, вышедшей в море; я заметил обломок мачты, плававший на воде, догадался, что где-то потерпел крушение корабль, и отправился его искать. И нашел. Это была трехмачтовая шхуна, я увидел обломки ее рангоута, торчавшие из воды. Она лежала на большой глубине, и я понял, что оттуда мне ничего не достать. Поэтому продолжил поиски. Поскольку я всех обскакал, мне должна была достаться вся какая ни есть добыча. Я проплыл над всеми мелями вокруг той трехмачтовой шхуны, но ничего не обнаружил и двинулся дальше. Заплыл далеко и оказался над зыбким песчаным дном, но и тут ничего не было, поэтому я поплыл еще дальше. И вот когда вдали уже показался маяк «Ребекка», я за-

метил, что множество самых разных птиц кружит над одним местом, и направился прямо туда, чтобы посмотреть, что они там нашли, птиц в самом деле была огромная туча.

Я увидел что-то напоминающее наискось торчащую из воды мачту, и когда подплыл ближе, птицы взлетели в воздух и стали кружить надо мной. Вода в том месте была чистой, и прямо из нее действительно выступала какая-то мачта, и когда я приблизился к ней, то увидел внизу, под водой, длинную тень, я встал прямо над ней и понял, что на дне лежит судно; оно просто лежало там, гигантское, полностью погруженное в воду. Я стал дрейфовать над ним. Судно лежало на боку, корму глубоко засосало в песок. Все бортовые иллюминаторы были задраены, я мог видеть, как блестят сквозь воду стекла, и вообще видел весь корпус корабля; это было самое большое судно, какое я встречал в своей жизни, я проплыл над ним из конца в конец, а потом встал чуть в стороне и бросил якорь; потом я подтащил шлюпку к переднему краю палубы, столкнул ее в воду, поплыл, гребя веслами, и остановился над кораблем, а птицы продолжали тучей кружить надо мной.

У меня была подводная зрительная труба, какие используют для сбора губок, но руки дрожали, я едва удерживал ее. Все иллюминаторы, которые я видел, когда проплывал над судном, были задраены, но где-то далеко на глубине, почти над днищем, должно быть, имелась пробоина, потому что оттуда все время всплывали какие-то предметы. Что именно, понять было невозможно. Просто куски чего-то. И это они привлекали птиц. Столько птиц разом вы в жизни не видели. Они вились вокруг меня с истерическими криками.

Я все видел ясно и четко. Видел, что борт у корабля пузатый, а сам он длиной с милю, как казалось под водой. Он лежал на боку, на чистой белой песчаной мели, а то, что наискось торчало над водой, было то ли фок-

мачтой, то ли каким-то другим обломком рангоута. Нос находился недалеко от поверхности. Я сумел встать ногами на буквы, составлявшие название судна, и при этом голова моя осталась над водой. Но ближайший иллюминатор располагался двенадцатью футами глубже. До него я дотянулся только багром и попытался разбить стекло, но не смог. Оно было слишком прочным. Тогда я подгреб обратно к своей моторке, взял гаечный ключ и привязал его к концу багра, но все равно не смог разбить стекло в иллюминаторе. Так я и глазел через свою зрительную трубу на корабль со всеми заключенными в нем богатствами и, будучи первым, кто до него добрался, не мог проникнуть внутрь. А ведь там могло быть всякого добра миллионов на пять.

Меня прямо в дрожь бросало, когда я думал, сколько всего там, внутри. В том иллюминаторе, который находился ближе всего, что-то виднелось, но в трубу я не мог разобрать что. Поскольку багор оказался бесполезным, я разделся, встал, сделал несколько глубоких вдохов, а потом, нырнув с кормы, стал погружаться, зажав в руке гаечный ключ. Ухватившись за обод иллюминатора, я сумел на секунду заглянуть внутрь и увидел женщину с колыхавшимися на воде волосами. Я отчетливо видел, как она висит в воде, покачиваясь, и два раза изо всех сил ударил по стеклу гаечным ключом, в ушах дважды послышался звон, но стекло не поддалось, и пришлось мне всплывать.

Вцепившись в шлюпку, я отдышался, залез в нее, отдохнул минуту-другую и снова нырнул. Я поплыл вниз, ухватился пальцами за край иллюминатора и изо всей силы ударил по стеклу гаечным ключом. Я видел женщину, плававшую внутри, в каюте. Ее волосы были связаны у самых корней, а концы их колыхались, распластавшись в воде. Я разглядел кольца у нее на руке. Она находилась у самого иллюминатора, и я дважды санданул по стеклу, но оно даже не треснуло. Всплывая на

поверхность, я думал, что не удержусь и сделаю вдох раньше времени.

Я нырнул еще раз, и стекло наконец таки треснуло, но всего лишь треснуло, а когда я вынырнул, из носа у меня шла кровь, я постоял на носу корабля, касаясь босыми ногами букв его названия и высунув из воды голову, отдохнул немного, подплыл к шлюпке, влез в нее и сидел, ожидая, когда перестанет болеть голова, и глядя в воду через свою зрительную трубу, но кровь лилась так обильно, что трубу приходилось промывать. Тогда я лег на спину и зажал нос пальцами, чтобы остановить кровь, и так лежал на дне шлюпки, глядя в небо, где надо мной кружил миллион птиц.

Когда кровотечение прекратилось, я еще раз обозрел корабль через зрительную трубу, а потом стал грести к моторке, чтобы поискать в ней что-нибудь тяжелее гаечного ключа, но ничего не нашел, даже багра для губок. И я поплыл обратно, вода становилась все чище, и теперь можно было рассмотреть все, что плавало на поверхности над белой песчаной мелью. Я высматривал акул, но их не было. Акулу всегда видно издалека. Вода была совершенно прозрачной, а песок белым. На шлюпке имелся крюк на веревке, служивший якорем, я перерезал веревку и перевалился вместе с крючком через борт. Крюк потянул меня вниз, мимо иллюминатора, и еще ниже, вдоль выпуклого борта, я цеплялся за все подряд, но не мог удержаться и погружался все глубже. Пришлось выпустить крюк. Я услышал, как он шмякнулся о дно, и мне показалось, что прошел год, прежде чем я вынырнул на поверхность. Шлюпку далеко отнесло течением, и пришлось добираться до нее вплавь, кровь из носа капала в воду, и я несказанно радовался, что нет акул, но я очень устал.

Голова раскалывалась, я полежал в шлюпке, отдохнул и поплыл на веслах обратно. День клонился к концу. Я еще раз нырнул с гаечным ключом, но опять ни-

чего не добился. Ключ был слишком легким. Бесполезно было нырять дальше, не имея большого молотка или чего-нибудь еще, достаточно тяжелого. Я опять привязал ключ к багру и сквозь воду, глядя в зрительную трубу, молотил им по стеклу, пока ключ не сорвался, и я в ту же трубу отчетливо увидел, как он проскользил мимо борта лежавшего на дне корабля и опустился на донный песок, который тут же и засосал его. Больше я ничего сделать не мог. У меня теперь не было ни гаечного ключа, ни крюка, оставалось только вернуться на моторку. Я слишком устал, чтобы втаскивать на нее шлюпку, да и солнце уже стояло совсем низко. Птицы разлетались, покидая корабль, и я взял курс на Саут-Уэст-Ки, волоча шлюпку на буксире и сопровождаемый сзади и спереди птицами. Я очень устал.

В ту ночь опять налетел сильный ветер, который дул целую неделю. Добраться до затонувшего судна было невозможно. Из города пришли люди и сообщили мне, что с парнем, которого я порезал, все в порядке, если не считать раны на руке, и я вернулся в город, где меня отпустили под залог в пятьсот долларов. Все уладилось, потому что несколько моих друзей показали под присягой, что это он погнался за мной с топором, но к тому времени, когда мы снова смогли добраться до судна, греки уже успели взрывом сделать в нем пробоину и полностью обчистить. Сейф они высадили тоже с помощью динамита. Никто так и не узнал, сколько в нем было. Судно перевозило золото, и все оно тоже досталось им. Они опустошили корабль дочиста. Нашел его я, но я не получил ни гроша.

Ему чертовски не повезло. Говорят, не успел он отойти от Гаваны, как на него обрушился ураган, и он не смог вернуться в гавань, или владельцы не позволили капитану повернуть обратно, хотя, по слухам, тот хотел; пришлось в такой шторм плыть вперед, и, пытаясь в темноте пройти через пролив между «Ребеккой»

и Тортугасом, он сел на мель. Может, у него сорвало руль. Может, он вообще потерял управление. Так или иначе, они не могли знать, что там зыбучие пески, и когда наткнулись на них, капитан, должно быть, приказал открыть балластные емкости, чтобы выровнять крен. Но пески оказались подвижными, и когда балластные емкости открыли, сначала засосало корму, а потом корабль перевернулся набок. На борту было четыреста пятьдесят пассажиров и команда, когда я нашел судно, все они, должно быть, были внутри. Видимо, балластные емкости открыли, как только ощутили толчок, и в тот момент, когда днище корабля коснулось песка, тот начал его засасывать. Потом, наверно, взорвались котлы, отсюда, судя по всему, те обломки, которые всплыли на поверхность. Удивительно, что не появились акулы. И рыб совсем не было. На фоне белого песка я бы их непременно заметил.

Зато теперь рыб там полно: морские окуни, самые крупные. Большая часть корабля уже ушла в песок, но они живут внутри него, эти самые крупные окуни. Некоторые — весом по триста-четыреста фунтов. Надо будет как-нибудь сплывать туда, половить. Оттуда, где лежит корабль, виден маяк «Ребекка». Теперь над затонувшим судном установили буй. Оно лежит в самом конце мели, прямо при входе в залив. Ему не хватило какой-нибудь сотни ярдов, чтобы проскочить. В темноте, в штормовую погоду они отклонились лишь на самую малость: из-за ливня, который стоял стеной, не было видно маяка. Да и не привыкли они к таким передрягам. Капитаны пассажирских судов не приучены плавать в такой шторм. Они знают свой курс и, как мне рассказывали, у них даже есть какой-то компас, который сам следит за ним. Возможно, они толком и не знали, куда загнал их шторм, но еще чуть-чуть — и они бы проскочили. Правда, вероятно, они лишились руля. Так или иначе, стоило им войти в залив — и до самой Мексики

им не на что было бы уже наткнуться. Представляю, что творилось, когда они посреди такого ливня и ветра ощутили удар и капитан приказал открыть балластные емкости. В такую погоду на палубе наверняка никого не было. Все ушли вниз. А вот внутри те еще сцены, конечно, разыгрывались, потому что, как известно, судно затонуло быстро. Я же видел, как песок засосал гаечный ключ. Откуда было капитану, если ему незнакомы здешние воды, знать, что это зыбучий песок? Он понял только, что это не камень. Наверное, он все видел с мостика. И догадался, что случилось, когда корабль стал оседать. Интересно, как быстро все произошло? И был ли с ним на мостике его помощник? Как вы думаете, они остались в рубке или выскочили наружу? Ни одного тела так и не нашли. Ни единого. Никто не всплыл. А ведь со спасательными поясами плавают долго. Наверное, все погибли внутри. Ну, а грекам досталось все. Все! Уж они быстро подсутились. И унесли все подчистую. Первыми налетели птицы. Потом приплыл я, потом греки, и даже птицам досталось больше, чем мне.

ГДЕ ЧИСТО И СВЕТЛО

К столь позднему часу посетители кафе разошлись, за исключением одного старика: он сидел в тени, которую отбрасывала листва в электрическом свете. Днем на улице хватало пыли, но к ночи роса прибывала ее, и старику нравилось засиживаться допоздна, потому что он был глух, а по ночам стояла тишина, и он ощущал разницу. Оба официанта, которые находились в кафе, знали, что старик поднабрался, а он, пусть и хороший клиент, если выпивал слишком много, мог уйти, не заплатив; потому и следили за ним.

— На прошлой неделе он пытался покончить с собой, — заметил один.

— Почему?

— Впал в отчаяние.

— С чего?

— Ни с чего.

— А откуда ты знаешь, что ни с чего?

— Денег у него достаточно.

Оба официанта сидели за столиком у стены возле самой двери и смотрели на террасу, где пустовали все столики, кроме одного, за которым сидел старик в тени дерева. Листья слегка покачивались на ветру. Девушка и солдат прошли по улице. Свет уличного фонаря блеснул на медных цифрах у него на воротнике. Девушка шла с непокрытой головой, торопливо, чтобы не отстать.

– Патруль заберет его, – сказал официант.
– Какая ему разница, если он своего добился.
– Ему бы сейчас лучше с этой улицы уйти. Прямо на патруль наскочит. Они пять минут как прошли.

Старик, что сидел в тени, постучал рюмкой о блюдце. Официант помоложе вышел к нему.

– Чего изволите?

Старик посмотрел на него.

– Еще бренди.

– Вы напьетесь, – ответил официант.

Старик смотрел на него. Официант ушел.

– Всю ночь просидит, – пожаловался он коллеге. – Мне так спать хочется. Раньше трех никогда не ляжешь. Лучше бы покончил с собой на прошлой неделе.

Официант взял со стойки бутылку бренди и чистое блюдце с прилавка за стойкой и направился к столику, где сидел старик. Поставил блюдце и наполнил рюмку.

– Лучше б ты помер на прошлой неделе, – пожелал он глухому. Старик шевельнул пальцем. «Добавьте еще», – попросил он. Официант добавил, бренди потек через край, по ножке, в самое верхнее из блюдец, стоявших одно на другом. «Спасибо вам», – поблагодарил старик. Официант унес бутылку в кафе. Вновь сел за столик к коллеге.

– Он уже пьян, – сообщил он.

– Он каждый вечер пьян.

– Зачем он на себя руки накладывал?

– Откуда мне знать.

– А как он это сделал?

– Повесился на веревке.

– Кто ж его из петли вынул?

– Племянница.

– И зачем это она?

– За его душу испугалась.

– А сколько у него денег?

– Предостаточно.

- Ему, пожалуй, лет восемьдесят.
- Я бы меньше не дал.
- Шел бы он домой. Раньше трех никогда не ляжешь. Разве это дело, ложиться в такой час?
- Нравится ему тут, вот он и сидит.
- Он одинокий. А я – нет, меня жена в постели ждет.
- И у него когда-то была жена.
- Теперь ему она ни к чему.
- Не скажи. С женой ему лучше бы было.
- За ним племянница присматривает. Ты ж сказал, она его из петли вынула.
- Знаю.
- Не хотел бы я дожить до его лет. Противные они, старики.
- Не всегда. Этот старик аккуратный. Пьет – ни капли не проливает. Даже сейчас, когда пьяный. Посмотри.
- Не хочу я смотреть на него. Скорей бы домой ушел. Никакой заботы о тех, кому работать приходится.
- Старик перевел взгляд с рюмки на другую сторону террасы, потом – на официантов.
- Еще бренди. – Он показал на рюмку. Тот официант, который спешил домой, направился к нему.
- Закончили. – Существительное он опустил: так необразованные люди обычно говорят с пьяными или иностранцами. – На сегодня ни одной больше. Закрываемся.
- Еще одну, – попросил старик.
- Нет. Закончили. – Официант вытер край столика полотенцем и покачал головой.
- Старик встал, не спеша сосчитал блюдца, достал из кармана кожаный кошелек и заплатил за бренди, оставив полпесеты на чай.
- Официант смотрел ему вслед: глубокий старик, идущий неуверенно, но с достоинством.
- Почему ты не дал ему еще посидеть или выпить? – спросил официант, который никуда не спешил. Они